

Анна Шилд
Ада Огнева

加油

中文

汉语

HSK

梦想

未来

朋友

25:00

Экзамен для мажора

Ада Огнева

Экзамен для мажора

«Автор»

«Автор»

2026

Огнева А.

Экзамен для мажора / А. Огнева — «Автор», «Автор», 2026

Мила Воронова доверяет формулам, расписанию и собственному железному характеру. Егор Тарасов доверяет деньгам — пока отец не блокирует счета и не требует сдать экзамен. Принципиальная репетиторша отправляет его щедрое предложение в мусорную урну. Наследник отвечает пари: за тридцать дней соблазнить женщину, которая считает его самоуверенным двоечником. Вот только на Милу не действуют ни улыбка, ни фамилия. Придётся учиться. И чем сложнее становятся задания, тем труднее Егору признаться самому себе, ради чего он теперь приходит на уроки.

© Огнева А., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	31
Глава 8	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Анна Шилд

Экзамен для мажора

Экзамен для мажора

Анна Шилд

Ада Огнева

Глава 1

Утро пятницы в северном крыле Главного здания Московского университета пахло мокрым осенним гранитом, старыми библиотечными переплетами и крепким чаем с корицей. На восьмом этаже студенческий гул стихал за дверями. Из соседней аудитории доносился скрип передвигаемого стула; я знала этот звук — профессор готовил места к семинару. За высокими стрельчатыми окнами висела серая дымка, а тяжелые верхушки кленов на Воробьевых горах гнулись под порывами холодного октябрьского ветра.

Я сидела за первой партой просторной поточной аудитории восемьсот двадцать четыре. На полированной дубовой столешнице ровными рядами лежали сводные таблицы формальных грамматик, конспекты по древнекитайскому синтаксису и раскрытая рукопись моей будущей магистерской диссертации. Рядом с тяжелым хромированным термосом тихо тикал круглый никелированный секундомер на тонком плетеном шнурке. Я всегда носила его на шее во время работы над словарными статьями. Время в языкознании требует такой же математической строгости, как и в теоретической механике, и я терпеть не могла пустой траты минут.

Кончик моего механического карандаша мерно выводил сложную схему иероглифических радикалов. Я аккуратно поправила серебристую дужку очков в тонкой металлической оправе и сделала глоток обжигающего коричневого чая. До начала закрытого кафедрального семинара оставалось добрых сорок минут. Я рассчитывала провести это утро в идеальном рабочем покое.

Тяжелая дубовая дверь распахнулась без малейшего предупреждения.

Створка с глухим стуком ударилась об ограничитель, и в размеренную тишину академического зала ворвался человек, словно сошедший со страниц глянцевого журнала о жизни столичной золотой молодежи.

Волной разошелся терпкий шлейф селективного удового парфюма с нотами дорогого табака и выделанной кожи. В одной руке незваный гость небрежно держал картонный стакан с миндальным рафом из модной кофейни на Патриарших прудах, а вторую руку глубоко засунул в карман дизайнерских темных брюк. На нем был мягкий кашемировый пиджак глубокого шоколадного оттенка, из-под которого выглядывал расстегнутый воротник белоснежной льняной рубашки. Лицо его выражало ту безмятежную, ленивую уверенность в собственном превосходстве, которая вырабатывается исключительно многолетним обладанием безлимитными кредитными картами. Темные солнцезащитные очки он даже не подумал снять в помещении.

Он широким шагом пересек аудиторию, остановился прямо перед моим столом и с легким стуком поставил картонный стаканчик на стопку моих чистых черновиков.

— День добрый, гроза филологического факультета, — произнес он бархатным, нарочито низким голосом, в котором сквозила привычка повелевать официантами и администраторами клубов. — Секретарь в ректорате сказала, что лучший мозг по восточному моделированию сидит в этой аудитории. Мне требуется дипломный проект и полная стратегия развития филиала нашей торговой сети в Шанхае. Срок две недели, оформление под ключ, со всеми графиками и расчетами.

Я закончила начатую черту, оставив его стоять над столом. Мой карандаш продолжал методично вычерчивать графему дерева, отделяя ствол от ветвей аккуратными штрихами.

— Гражданин, аудитория закрыта для посторонних лиц, — произнесла я чистым, безупречно поставленным голосом, не сбиваясь с рабочего ритма. — Посторонним на кафедре теоретической лингвистики находиться не положено. Закройте дверь с наружной стороны.

Парень усмехнулся. Он медленно стянул солнцезащитные очки, зацепил их за вырез рубашки и окинул меня насмешливым взглядом ярко-зеленых глаз. В этом взгляде читалось

откровенное удивление перед тем, что на свете существует особь женского пола, не бросившая поправлять прическу при звуке его голоса.

Он полез во внутренний карман своего шоколадного пиджака и извлек оттуда пухлый бумажный конверт, туго перетянутый канцелярской резинкой. Сквозь полупрозрачную бумагу отчетливо просвечивали плотные пачки пятидесятирублевых купюр. Небрежным движением фокусника он бросил этот тяжелый сверток прямо на мою раскрытую тетрадь, примяв исписанные страницы.

— Здесь триста тысяч рублей задатка, отличница. Назови свою полную цену, помножь ее на два и садись за расчеты прямо сейчас. Я ценю скорость и никогда не торгуюсь по мелочам. Я медленно положила механический карандаш на дубовый стол.

Воздух в аудитории будто застыл. Я посмотрела на конверт, затем подняла глаза на самодовольного наглеца. Мой взгляд за стеклами очков сделался холоднее ноябрьского льда на университетском пруду. Двумя пальцами, стараясь не касаться бумаги слишком сильно, я подцепила край конверта, словно передо мной лежало мертвое насекомое.

Я поднялась со своего места, расправив строгий серый кардиган поверх шерстяного платья. Гость забрал стакан с моих черновиков и удовлетворенно отпил кофе, уверенный, что золотой ключик в очередной раз распахнул перед ним любые академические двери.

Я прошла к массивной чугунной батарее под окном. Конверт оттягивал пальцы; гость уже улыбался мне вслед. Там стояла круглая жестяная урна для бумажных черновиков и стружки от карандашей.

Мои пальцы плавно разжались.

Тяжелый конверт с глухим жестяным грохотом рухнул на самое дно урны, примяв огрызок яблока и пыльные газетные обрезки.

В высокой аудитории повисла звенящая, мертвая тишина. стакан кофе в руке парня замер на полпути ко рту. Его холеное лицо вытянулось, а идеальная улыбка светского льва мгновенно осыпалась.

— Ты совсем с ума сошла? — вырвалось у него, и в бархатном голосе зазвенели визгливые нотки чистого изумления. — Там триста тысяч наличными! Настоящие деньги!

— В этом учебном заведении любой мусор отправляется строго в урну, — ответила я, вернувшись к столу. Я отвинтила крышку термоса, пока он смотрел на урну. — Интеллектуальный труд нашего факультета не продается бездельникам с Патриарших прудов. А свои мятые бумажки отдайте уборщице, если вам некуда девать подачки вашего состоятельного родителя.

Кровь мгновенно бросилась ему в лицо. Его самолюбие, взлелеянное безнаказанностью, дорогими машинами и покорными поклонницами, вспыхнуло яростным пламенем. Желваки на его скулах натянулись, пальцы сжались в кулаки. Он шагнул к парте вплотную, нависая над мной всем своим высоким ростом.

— Слушай меня внимательно, зубрилка в очках, — процедил он сквозь зубы, окончательно сбросив светский лоск. — Ты вообще понимаешь, с кем ты сейчас разговариваешь? Мой отец держит четверть всей коммерческой недвижимости столицы. Я могу выкупить весь твой факультет вместе с твоей пыльной кафедрой и твоими тетрадками.

Я даже не шелохнулась. Я подхватила со стола секундомер и накинула шнурок на шею. Раздался четкий металлический щелчок. Стрелка начала свой неумолимый бег по эмалированному циферблату.

— Ровно три минуты, гражданин Тарасов. Да, я прекрасно знаю вашу громкую фамилию. Вы утверждаете, что способны возглавить шанхайский филиал торговой империи. Докажите, что ваше мышление способно освоить хотя бы базовые параметры точных дисциплин. Вводный курс математического анализа. Шагом марш к доске.

Я взяла с подоконника свежий брусок белого крошащегося мела и протянула ему на ладони.

Егор скривил губы в нервной усмешке. В глубине его зеленых глаз мелькнул давно забытый школьный ужас перед строгим учителем, но отступить сейчас означало публично признать свое полное ничтожество.

— Думаешь напугать меня мелом? Я два года числился в колледже в Лондоне!

— Числиться и овладевать знаниями представляют собой совершенно разные явления, Тарасов. Доска перед вами.

Он нервно выхватил брусок из моей ладони. Мел тут же раскрошился, оставив на его ухоженных пальцах густой известковый налет. Егор подошел к огромной трехстворчатой доске, матовая поверхность которой поглощала свет пасмурного утра. Он замер перед ней, судорожно сжимая меловой обломок. Запах мела щекотал ноздри, во рту у парня пересохло, а на лбу обозначились мелкие бисеринки пота.

— Задание элементарное, — произнесла я, сверяясь с циферблатом секундомера. — Вычислите определенный интеграл от нуля до единицы для дроби с единицей в числителе и суммой единицы и квадрата переменной в знаменателе. После чего запишите ряд, сумма которого равна полученному интегралу. Время пошло. Две минуты.

Егор занес руку над черной поверхностью.

Мел коснулся доски с чудовищным, пронзительным визгом, от которого свело зубы даже у меня. Парень слишком сильно надавил на хрупкий брусок, мел с треском сломался, и острый осколок отлетел прямо на лацкан его шоколадного кашемирового пиджака, оставив длинную белую полосу.

Рука парня мелко задрожала. Пытаясь нарисовать знак интеграла, он вывел кривой, вихляющий крюк, больше напоминающий сломанное рыбацкое грузило. Взгляд его заметался по пустой доске. Память светского прожигателя жизни отказывалась выдавать хоть какие-то математические формулы, услужливо подсовывая лишь меню ночных клубов и котировки зарубежных акций.

— Смелее, Тарасов. — Я указала ладонью на пустое место между пределами интегрирования; он заслони́л его плечом. — Нижний предел ноль, верхний единица. В чем затруднение? Переменная не желает подчиняться звону золотых браслетов?

— Замолчи, — хрипло выдавил он. Горло его окончательно перехватило, голос сорвался на глухой шепот.

В отчаянии Егор принялся царапать по доске бессмысленный набор символов. Он нарисовал крест умножения, вклеил знак корня над пустой строкой, перепутал знак дифференциала с обычной закрывающей скобкой и в завершение размашисто разделил полученную бессмыслицу на жирный ноль. Меловой визг разносился под лепным потолком аудитории, а белый порошок густым слоем оседал на его рукавах, часах и воротнике рубашки.

Металлический щелчок кнопки моего секундомера прозвучал громко, словно щелчок пистолетного затвора.

— Время вышло, Тарасов.

Я поднялась из-за стола, подошла к доске и придиричиво оглядела плоды его интеллектуальных судорог. Мои губы тронула прохладная снисходительная улыбка.

— Результат абсолютно закономерен. Ноль по математическому анализу. Полный, эталонный, кристальный ноль. Вы умудрились разделить выражение на ноль, потеряли табличный арктангенс и перепутали обозначение дифференциала. Если показать эти каракули любому гимназисту, он сгорит от стыда за отечественное образование.

Егор стоял у стены, тяжело переводя дыхание. Его пальцы побелели от извести, капли пота скатывались по вискам, а на щеках горели пунцовые пятна жгучего унижения.

В этот самый момент тяжелая дверь аудитории скрипнула и приоткрылась шире. В коридоре стояла группа студенток второго курса в ярких университетских куртках. Заглянув внутрь и увидев роскошного двухметрового детину, с ног до головы обсыпанного меловой пылью перед строгой Вороновой, девушки не выдержали.

Звонкий девичий смех колокольчиком прокатился по коридору.

— Глядите, девчонки, кажется, на кафедру прислали нового лаборанта для чистки школьных досок!

— Да нет, это абитуриент пробует сдать таблицу умножения с пятой попытки!

Этот насмешливый хохот ударил Егора сильнее любого физического удара. В его глазах полыхнула такая ярость, что казалось, он готов разнести старинную дубовую парту в щепы. Он со всего размаха швырнул остаток мела в желоб под доской, подняв целое облако белой взвеси, испачкавшей его туфли.

— Подавись своими интегралами, чопорная заучка, — глухо бросил он, давясь бешенством.

— Вон из аудитории, гражданин Тарасов, — отчеканила я, даже не моргнув. — И заберите свой конверт из мусорного ведра. Нашим уборщицам чужого позора не требуется.

Егор даже не взглянул в сторону урны. С грохотом толкнув дубовую створку плечом так, что зазвенели стеклянные фрамуги над входом, он вылетел в коридор под дружный, несмолкаемый смех собравшихся второкурсниц. После семинара я при свидетелях сдала конверт университетской охране; пусть наследник получает свои деньги по описи.

Глава 2

К семи часам вечера пятницы московский дождь разошелся не на шутку. Свинцовые тучи окончательно придавили город к земле, превратив набережные в сплошные потоки черной блестящей воды, в которых дрожали расплывчатые отражения фонарей.

Я собиралась провести вечер дома, разложив на круглом обеденном столе карточки со словарем древних идиом. Однако у моей ближайшей университетской подруги Полины имелись совершенно иные планы на жизнь. Полина училась на первом курсе аспирантуры, отличалась фонтанирующей энергией и знала буквально каждого человека в радиусе Садового кольца. Узнав, что мы наконец сдали полугодовую грантовую отчетность кафедры, она решительно заявила ко мне на восьмой этаж, отобрала у меня связку ключей от библиотеки и безапелляционно объявила, что академическая суровость полезна для публикаций, но губельна для девичьего цвета лица.

Она притащила меня в модный двухэтажный лофт-бар на Берсеневской набережной, расположившийся в старинных фабричных корпусах из темно-красного кирпича. Управляющим заведения работал двоюродный брат Полины, поэтому для нас без лишних разговоров нашелся тихий уединенный столик на балконе второго яруса.

Здесь было тепло, уютно и шумно. Сквозь огромные полукруглые окна открывался захватывающий вид на темную громаду реки и подсвеченный мост. В воздухе плавал пряный аромат жареного миндаля, дорогого яблочного табака и мокрой шерсти. Где-то внизу, у массивной барной стойки из мореного дуба, бармен виртуозно жонглировал серебряными шейкерами, а из скрытых динамиков лился мягкий приглушенный джаз, перекрываемый гулом вечерних разговоров.

Я заказала чайник травяного сбора с чабрецом и горным медом, с наслаждением вытянув гудящие после целого дня на ногах ноги. Полина с аппетитом уплетала фруктовый десерт, попутно пересказывая мне последние сплетни филологического совета.

— Слушай, Милка, ты сегодня просто легенда факультета, — заговорщически прошептала она, наклоняясь ко мне через круглый столик. — До нашей кафедры уже долетели слухи, как ты выставила за порог какого-то наглого богача с пачкой денег. Говорят, купюры летели прямо в ведро, а сам он стоял весь белый от мела, как могильный памятник!

— Ничего героического в этом не было, Поль, — отозвалась я, разливая янтарный настой по пиалам. Полина подставила свою поближе, требуя продолжения. — Обыкновенный заносчивый бездельник, возомнивший, будто все вокруг обязаны падать ниц перед его кошельком. Получил заслуженный ноль за элементарную задачу и удалился учить школьные правила.

— Ты бы хоть фамилию его узнала, спасительница академических традиций, — покачала головой Полина.

— Фамилию я запомнила отлично. Гражданин Тарасов.

Полина едва не поперхнулась глотком лимонада. Ее глаза округлились, ложечка со звоном упала на блюдо.

— Тарасов? Погоди... Тот самый Тарасов?

Она не успела закончить фразу. Мой случайный взгляд скользнул поверх перил нашего балкона и замер на закрытой ложе противоположного яруса.

Там, за тяжелой темно-бордовой бархатной портьерой, приоткрытой на треть, находился изолированный мягкий уголок с панорамным видом на зал. На широком диване из черной кожи полулежал мужчина. Его поза выражала глубокую, почти злую усталость. Пальто и шоколадный кашемировый пиджак были небрежно брошены на спинку соседнего кресла. Тонкая белоснежная рубашка с расстегнутым воротом помялась, а галстук свисал набок, словно удавка.

Я прищурилась, поправив очки. Ошибиться было невозможно.

Это был он. Мой утренний визитер из аудитории восемьсот двадцать четыре.

Егор Тарасов сидел в полумраке, вытянув длинные ноги в узких темных брюках. В правой руке он судорожно сжимал тяжелый граненый стакан с темным янтарным шотландским виски. Лед в бокале тихо позвякивал, ударяясь о толстое стекло. Парень пил жадными, нервными глотками, словно надеялся выжечь из памяти события сегодняшнего утра. Однако даже сквозь полумрак ложи я отчетливо разглядела побелевшие манжеты его рубашки. На ткани и на костяшках пальцев все еще въелись мелкие белые следы сухого мела, которые ему явно не удалось до конца оттереть в умывальнике.

— Полина, — негромко позвала я, тронув подругу за рукав. — Взгляни-ка на ту ложу у витражного окна.

Полина повернулась, присмотрелась и тихо ахнула.

— Святые угодники... Это же Егор Тарасов собственной персоной! Младший наследник Павла Тарасова, владельца всей розничной сети наших супермаркетов и торговых центров! Мила, ты хоть понимаешь, кого ты сегодня утром мелом по доске размазала? Этот парень в светских хрониках мелькает чаще, чем звезды кино! Гонщик, плейбой, вечный возмутитель спокойствия. В прошлые выходные он умудрился разбить коллекционный спортивный катер на Клязьминском водохранилище! Вся Москва гудела!

— Судя по его лицу, разбитый катер волнует его куда меньше, чем полученный ноль по математическому анализу, — с прохладным сарказмом заметила я.

В этот момент тяжелая портьера ложи отодвинулась в сторону.

В освещенное пространство мягко и бесшумно шагнул второй мужчина. Ему было около двадцати семи лет. Он выглядел как живое воплощение холодного корпоративного расчета. Идеально подогнанный по фигуре серый английский костюм-тройка из тончайшей шерсти, шелковый галстук глубокого винного цвета с платиновой булавкой, темные волосы, безупречно гладко зачесанные назад. Тонкие губы гостя кривились в вежливой, до предела ядовитой улыбке.

— А вот и старшенький, — взволнованно зашептала Полина, вцепившись в край стола. — Феликс Тарасов. Единокровный брат Егора, старший вице-президент и финансовый директор холдинга. В деловых кругах его зовут серым кардиналом. Говорят, он спит и видит, как бы вышвырнуть беспутного младшего братца из семейного бизнеса и прибрать к рукам все активы отца.

Мы сидели достаточно близко к балконной балюстраде. Музыка внизу на минуту стихла, уступив место мягкому гитарному перебору, и отголоски напряженного разговора братьев долетали до нас с удивительной четкостью.

Феликс с показной неспешностью опустил в глубокое кожаное кресло напротив Егора, аккуратно оправив стрелки брюк. Он закинул ногу на ногу и скрестил ухоженные пальцы на колене.

— Какой душераздирающий натюрморт, дорогой братец, — раздался его негромкий, вкрадчивый голос, сочившийся неприкрытым торжеством. — Виски со льдом, растрепанный воротник и тоска во взгляде. Позволь полюбопытствовать, неужели наша непобедимая гроза модельных подиумов пала жертвой собственного обаяния?

Егор дернул широким плечом, не поднимая тяжелого взгляда от стакана.

— Отвали, Феликс. Я не заказывал твоих братских визитов.

Феликс ответил, но внизу грянула музыка, и его слова утонули в гитарном проигрыше. Я разобрала только конец:

— Какое неслыханное падение для нашего главного сердцеда.

Егор что-то зло ответил. Я увидела, как он стукнул стаканом по столу; до нас долетел только звон доньшка.

— Вот как? — Феликс слегка наклонил голову, и в его узких глазах блеснул холодный огонек хищника, почуявшего верную добычу. — А мне казалось, для истинного покорителя сердец не существует непреодолимых преград. Или твоих дешевых трюков с букетами хватает лишь на пустых тусовщиц с Патриарших? Признай очевидное, Егор. Перед девушкой, которой плевать на твои деньги, ты — абсолютная пустота. Ноль.

Егор вскочил на ноги. Лицо его потемнело от ярости, широкая грудь тяжело вздымалась.

— Я могу покорить абсолютно любую женщину в этом городе! Если я захочу, эта недо-трога сама прибежит ко мне через пару недель и будет заглядывать мне в рот!

— Красивые слова, — ледяным тоном парировал Феликс, даже не шелохнувшись в своем кресле. — Но слова в нашем бизнесе не стоят бумаги, на которой они написаны. Ты готов подтвердить свою самоуверенность делом?

— Называй ставку! — бросил Егор с яростным вызовом.

Феликс медленно улыбнулся. Это была улыбка человека, перед которым только что распахнулась дверь в сокровищницу. Он полез во внутренний карман жилета и вынул массивную золотую перьевую ручку.

— Условия предельно просты, братишка. Ты утверждаешь, что способен влюбить в себя эту неприступную девушку. Я утверждаю, что она презирает тебя всем сердцем и никогда не подпустит к себе ближе пушечного выстрела. Срок — ровно тридцать дней. До юбилейного

вечера нашего глубокоуважаемого отца. Ты предъявляешь неопровержимое доказательство ее искреннего признания и приводишь ее на отцовский прием в качестве своей официальной спутницы.

— А если я это сделаю? — хрипло спросил Егор.

— Тогда я признаю твое полное превосходство и безоговорочно отдаю тебе право решающего голоса в шанхайском проекте. Но если ты проиграешь... Ты навсегда уступаешь мне свою законную долю в закрытом инвестиционном трасте отца. Ровно пятьсот тысяч долларов США. Без права выкупа и пересмотра.

У меня на балконе перехватило дыхание. Пятьсот тысяч долларов! Огромное состояние, поставленное на кон в глупом споре двух высокомерных мажоров!

Полина рядом со мной замерла с открытым ртом, боясь даже вздохнуть.

В ложе напротив повисла тяжелая пауза. Егор стоял неподвижно. В его глазах мелькнуло секундное колебание. Ставка была чудовищно высока. Потеря доли в семейном трасте означала финансовую капитуляцию перед братом на всю оставшуюся жизнь.

Однако уязвленная гордость, подогретая крепким алкоголем и обидой за утренний позор, напрочь выжгла остатки благоразумия.

— По рукам, — глухо выдохнул Егор.

Глава 3

Феликс коснулся циферблата часов. Потом взял со столика плотную белоснежную шелковую салфетку с золотым тиснением клубного герба. Быстрым каллиграфическим почерком он вывел на ткани короткие строки договора. Егор наклонился к нему и заговорил снова — быстро, с пьяной горячностью. Музыка поглотила слова. Я отвернулась: слушать эту торговлю чужими чувствами было противно.

— Распишись, казанова. Твой выход.

Егор выхватил золотое перо. Рука его чуть заметно дрогнула, но он размашисто поставил свою подпись внизу шелкового лоскута. Чернила легли на ткань четким темным росчерком.

Феликс аккуратно сложил шелковую салфетку вчетверо, спрятал ее во внутренний карман своего безупречного серого пиджака и остановил запись на часах.

— Прекрасно. Таймер запущен, Егорушка. Сегодня пятница. У тебя осталось ровно двадцать девять дней. Постарайся выучить китайский алфавит, вдруг пригодится для любовных писем.

Феликс поднялся, слегка похлопал окаменевшего брата по плечу и бесшумно скрылся за бархатной портьерой.

Егор остался один. Он тяжело опустился обратно на диван, сжал кулаками виски и замер, уставившись в пустой темный угол.

— С ума сойти... — выдохнула Полина мне на ухо, прижимая ладонь к груди. — Ты видела? Они только что заключили пари на полмиллиона долларов! Бедная, несчастная девушка, о которой шла речь! Представь, каково ей будет стать игрушкой в их грязных семейных разборках!

Я сделала медленный глоток остывающего чая. Внутри меня все клокотало от брезгливого возмущения.

— Обыкновенные сытые циники, Поля, — сухо произнесла я, глядя на темнеющий силуэт одинокого парня в чужой ложе. — Им абсолютно нечем занять свои пустые жизни, кроме как сорить отцовскими деньгами и ломать чужие судьбы ради собственной спеси. Жаль только времени, которое эта несчастная женщина потратит на подобного типа.

Я решительно отодвинула чашку и встала из-за стола.

Я искренне презирала подобные мужские забавы и даже в самом дурном сне не могла предположить, что фамилия, выведенная золотым пером на той самой клубной салфетке, принадлежит мне.

Субботнее утро в нашей старой профессорской квартире на Ленинском проспекте всегда текло по давно заведенному, незыблемому расписанию. Высокие четырехметровые потолки, затейливая дореволюционная лепнина, темный наборный паркет, глухо поскрипывающий под ногами, и бесконечные дубовые стеллажи с книгами, уходящие под самый карниз. Здесь пахло сушеным чабрецом, лавандой, полированным деревом и свежесваренным черным чаем с лимоном.

За круглым полированным столом в гостиной царствовала моя бабушка, Инна Павловна Воронова. Ей исполнилось семьдесят два года, но ее безупречной осанке и царственному повороту головы могла позавидовать любая балерина. Почетный профессор филологии, женщина несокрушимой воли и энциклопедических знаний, она читала утреннюю прессу через круглые очки в серебряной оправе на тонкой цепочке, придерживая тонкостенную фарфоровую чашку из кузнецовского сервиза.

Я сидела напротив, сверяя библиографический указатель для научной статьи. Утренний свет мягко падал на старинный бархатный абажур, создавая редкое ощущение абсолютного покоя.

Ровно в десять часов тишину гостиной разорвала громкая трель массивного дискового телефона, стоявшего на резном комоде в прихожей.

Бабушка лишь слегка приподняла бровь, не отрывая взгляда от газетного листа.

— Милочка, сними трубку, пожалуйста. Звонить в субботу в такую рань свойственно либо пожарным командам, либо нашему уважаемому деканату.

Я поспешила в прихожую и поднесла тяжелую карболитовую трубку к уху.

— Людмила Алексеевна? Доброе утро! Слава богу, застал вас дома! — раздался в мембране взволнованный, непривычно торжественный голос нашего заместителя декана по научной работе.

— Здравствуйте, Валерий Николаевич. Что-то стряслось на кафедре?

— Никакой беды не произошло, Милочка! Напротив, случилось событие грандиозного университетского масштаба! — замдекана шумно перевел дыхание. — Буквально час назад с ректоратом связался лично председатель совета директоров корпорации Тарасов Холдинг, Павел Игнатьевич Тарасов! Тот самый промышленный магнат!

У меня внутри неприятно кольнуло. Фамилия отозвалась в памяти недавним звоном разбитого льда и шелестом брошенных в урну купюр.

— Чем же наш скромный филологический факультет привлек столь высокую персону? — с осторожностью поинтересовалась я.

— Речь идет о стратегическом соглашении на самом высоком уровне! Корпорация открывает генеральный филиал нашей розничной сети в Шанхае. Переговоры с восточными партнерами зашли в сложнейшую фазу, и основатель холдинга категорически потребовал подготовить своего младшего сына к сдаче официального государственного квалификационного экзамена по деловому китайскому языку пятого уровня!

— А почему этим не займутся коммерческие языковые школы?

— Потому что младший сын оказался совершенно неуправляем! — замдекана понизил голос почти до шепота. — В прошлые выходные этот молодой человек утопил роскошный скоростной катер на Клязьме, устроил безобразную сцену в городе, и терпение отца окончательно лопнуло. Павел Игнатьевич поставил сыну свирепый ультиматум. Либо он сдает сложнейший экзамен независимой государственной комиссии к концу месяца, либо лишается всякого наследства, исключается из состава правления и отправляется простым грузчиком на подмосковный склад в Подольске!

Я молча слушала, чувствуя, как пазл начинает складываться с пугающей четкостью.

— Отец заблокировал все его банковские карты, отобрал ключи от гоночных автомобилей, выдал проездной на метро и кнопочный телефон без интернета, — продолжал Валерий Николаевич. — А затем лично обратился к ректору с просьбой предоставить самого жесткого, неподкупного и высококлассного преподавателя университета. Оплата перечислена на специальный счет развития нашего фонда, сумма колоссальная. Более того, преподавателю положен персональный профессорский гонорар за каждый день работы. Я настоял, чтобы эта ставка досталась вам, Мила. Вы наша главная гордость, и вашей семье эти средства сейчас жизненно необходимы.

Я прикрыла глаза. Сумма, которую назвал замдекана, с лихвой покрывала полугодовой курс дорогостоящих европейских лекарств для бабушкиного сердца и позволяла полностью оплатить издание ее многолетнего труда по античной поэтике. Отказаться от таких денег из пустой гордости было бы непростительным эгоизмом по отношению к близкому человеку.

— Каковы условия контракта? — спросила я, стараясь сохранить рабочий голос.

— Шесть дней в неделю, строжайшая дисциплина, ежедневный письменный отчет о результатах лично начальнику службы безопасности холдинга. Вы получаете неограниченные педагогические полномочия. Если подопечный проявит хоть каплю строптивости или посмеет пропустить урок без государственной медицинской справки, вы делаете одну отметку в таблице, и его судьба решается в пользу подольского склада. Документы и характеристику студента я только что отправил вам на почту.

— Хорошо, Валерий Николаевич. Я согласна.

Положив трубку, я вернулась в комнату и открыла рабочий ноутбук. Почтовый ящик мигнул входящим письмом с пометкой особой важности. Я скачала прикрепленный файл договора и щелкнула по фотографии личного дела.

На экране вспыхнуло цветное изображение.

С цифрового снимка на меня смотрело до боли знакомое, породистое лицо с насмешливыми зелеными глазами, чуть вздернутым подбородком и темными волнистыми волосами.

Тарасов Егор Павлович. Двадцать шесть лет.

Мои пальцы замерли над клавиатурой.

Круг замкнулся с оглушительным щелчком захлопнувшегося капкана.

Тот самый самовлюбленный наглец, который вчера утром швырял мне деньги на парту и позорно ломал мел у школьной доски. Тот самый циничный игрок, который вчера вечером поставил пятьсот тысяч долларов на то, чтобы покорить какую-то девушку. Кого — мы так и не расслышали. И теперь волей собственного разгневанного отца этот золотой мальчик оказался полностью отдан в мои руки, лишенный денег, машины и привычной безнаказанности.

— Кто звонил, Милочка? — спросила бабушка. Газету она перевернула, но смотреть продолжала на меня.

Я повернула ноутбук экраном к ней.

— Университет предложил мне индивидуальный контракт. Подготовка проблемного студента к высшему языковому экзамену за тридцать дней. Сын владельца крупной торговой империи.

Инна Павловна поверх очков внимательно изучила фотографию юноши, затем взглянула на сумму официального вознаграждения внизу договора. Тонкие губы старого профессора тронула едва заметная ироническая улыбка.

— Взгляд избалованного патриция, привыкшего помыкать домашними рабами, — вынесла вердикт бабушка с безупречной античной строгостью. — Глаза умные, но совершенно не знающие узды и настоящего умственного труда. Ты уверена, что справишься с подобным экземпляром, внучка?

— Он вчера имел наглость предложить мне взятку за готовый диплом прямо в аудитории, — произнесла я, чувствуя, как внутри просыпается холодная академическая ярость. — А его конверт полетел в урну. Потом пришлось сдавать это богатство охране под расписку.

Бабушка тихо, мелодично рассмеялась, отставив фарфоровую чашку.

— Превосходно, Милочка. Настоящее педагогическое искусство начинается именно там, где спесь наталкивается на твердость гранита. Римские патриции тоже отдавали своих дерзких отпрысков греческим рабам-наставникам, чтобы те выбивали из них дурь розгами логики. Розги тебе, разумеется, не понадобятся. Китайской грамматики и фонетических таблиц будет более чем достаточно, чтобы этот юноша познал истинную скромность. Никаких поблажек, Людмила.

— Никаких поблажек, бабушка, — твердо пообещала я.

Я приложила электронную цифровую подпись к бланку контракта и нажала кнопку отправки. В понедельник ровно в восемь утра на пороге университета меня ждала первая официальная битва.

Глава 4

Утро понедельника встретило Москву косым ледяным дождем и порывистым ветром, срывавшим последние пожелтевшие листья с ясеней на Университетском проспекте. Высокий шпиль Главного здания МГУ терялся в низких серых тучах, а гранитные парапеты блестели от влаги, словно полированный темный лед.

Сотни продрогших студентов торопливо втягивались в широкие дубовые двери главного вестибюля, стряхивая капли с мокрых курток и зонтов. В просторном мраморном холле с высокими сводами стоял привычный утренний гул сотен голосов, смешанный со звуками шагов, шелестом непромокаемых плащей и ароматом дешевого кофе из пристенных автоматов.

Я вошла в вестибюль без десяти восемь. На мне было любимое шерстяное платье глубокого бутылочного оттенка со строгим белым манжетом и аккуратным воротником. В правой руке я несла тяжелый винтажный портфель из плотной темно-коричневой кожи, в котором ровными стопками лежали контрольные бланки и справочники. На груди поверх шерстяной ткани привычно покоился круглый никелированный секундомер. Моя спина была безупречно прямой, а шаг — размеренным и четким.

Я сразу заметила его у подножия центральной гранитной лестницы, между двумя массивными колоннами из полированного серого мрамора.

Егор Тарасов выглядел человеком, которого только что выдернули из привычной вселенной и заставили пройти через чистилище в утренний час пик. На нем было строгое темно-серое пальто и свитер грубой вязки, однако на его лице лежал отчетливый отпечаток глубокого шока. Езда в переполненном вагоне метрополитена по синей пластиковой карточке с пересадкой на станции Охотный Ряд явно стала для избалованного гонщика самым суровым испытанием за последние десять лет жизни.

Однако природная наглость и въевшиеся повадки столичного ловеласа все еще отчаянно сопротивлялись реальности.

В обеих руках парень бережно удерживал гигантскую плетеную корзину. В ней плотной, бархатной, благоухающей стеной возвышалась ровно сто одна темно-алая эквадорская роза на полутораметровых стеблях, перехваченная широкой шелковой лентой. К ручке прицепили чек из круглосуточного салона. Сумма начиналась с четверки и заканчивалась четырьмя нулями. Видимо, лишенный карт наследник успел наскрести наличные по карманам прежних пиджаков.

План парня читался с детской наивностью. Ни одна девушка, по его глубокому клубному убеждению, не могла устоять перед раскаянием высокого красавца с охапкой редких цветов. Он рассчитывал одним широким жестом перечеркнуть пятничный позор, растопить академический лед и немедленно перевести отношения в русло легкого, снисходительного флирта. Мне захотелось сразу предупредить: на экзамене улыбку в зачетный лист не впишешь.

Заметив меня на ступенях, Егор выпрямился, расправил плечи и озарил вестибюль своей самой ослепительной, сокрушительной улыбкой, отработанной перед зеркалами лучших столичных ресторанов.

Он шагнул мне навстречу, перегородив проход между колоннами.

— Доброе утро, Людмила Алексеевна, — произнес он своим фирменным бархатным полупшепотом, чуть склонив голову и прижимая корзину к груди. — Решил, что наше официальное академическое партнерство следует начать с чистого листа и достойного аромата. Примите в знак безоговорочной капитуляции и глубочайшего раскаяния за пятничный инцидент.

Я остановилась на нижней гранитной ступени.

Я посмотрела поверх роз прямо на него. Егор чуть подвинул корзину, открывая мне свое лицо: очевидно, полагал его решающим доводом. Я уже нашла для букета куда лучшее применение.

Вместо этого я медленно повернула голову в сторону застекленной будки дежурной вахты, расположенной буквально в четырех шагах от перил.

Там, за деревянной перегородкой, мирно дремала пожилая женщина в толстой вязаной жилетке поверх байкового платья.

— Марья Степановна! — звонко и необычайно торжественно позвала я, поворачиваясь к окошку. — Вы не уделите нам буквально две минуты?

Деревянная дверца со скрипом распахнулась. На пороге появилась пожилая вахтерша, подслеповато щурясь через круглые очки и поправляя серую шерстяную шаль на плечах. Марья Степановна отдала университету четыре десятка лет жизни, знала по именам всех академиков и свято берегла покой северного крыла.

— Что стряслось, Милочка? Уж не хулиганит ли кто с утра пораньше?

Я сделала шаг к остолебеневшему парню, перехватила ручку тяжелой плетеной корзины. Он охотно разжал пальцы, уже празднуя победу. Я повернулась к вахте и двумя руками благоговейно вручила корзину растерявшейся старушке.

— Ничего дурного не стряслось, Марья Степановна! Напротив, сегодня на нашем факультете великий праздничный день! Кафедра восточной лингвистики и совет студенческого союза от всего сердца поздравляют вас с сорокалетием вашей безупречной и благородной службы в стенах Московского университета! Это скромный знак нашей безграничной студенческой любви и глубочайшего уважения к вашему святому труду!

Нижняя челюсть Егора Тарасова медленно, со скрипом поползла вниз.

Его ярко-зеленые глаза распахнулись так широко, словно он только что увидел приземление летающей тарелки на ступени университета. Сорок тысяч рублей личных денег, колоссальный букет роз, предназначенный для обольщения неприступной магистрантки, испарился прямо на его глазах, превратившись в профсоюзный подарок ветерану труда!

Марья Степановна всплеснула пухлыми морщинистыми руками, прижала ладони к щекам, и в ее добрых выцветших глазах мгновенно заблестели настоящие старческие слезы.

— Господи помилуй, Милочка... Родненькие вы мои... Розы-то какие пышные, аромат-то какой сказочный... Сорок лет ведь и правда в октябре стукнуло, а я и забыла в суете-то... Спасибо вам, сердечные вы мои, уважили старуху перед всем институтом...

Растроганная женщина прижала необъятную охапку к груди, почти утонув в аллом бархате лепестков, и вдруг обратила сияющий благодарный взор на окаменевшего юношу.

— А ты, сыночек, стало быть, Милочкин новый подопечный? Какой молодец, какой богатырь видный, а главное — к старшим почтительный! Нынче таких вежливых мальчиков днем с огнем не сыщешь! На-ка вот, милый, держи за труды твои благородные!

Старушка сунула руку в самый глубокий карман своей фланелевой жилетки, немного пошуршала там и с материнской щедростью впечатала в раскрытую ладонь наследника многомиллиардной империи липкую советскую карамельку Барбарис в ярко-красном помятом фантике.

— Кушай, сынок, сладенькое для головы зело полезно! Учеба ума требует!

Сияющая Марья Степановна, прижимая букет ценой в месячную профессорскую зарплату, торжественно уплыла в свою каморку, тихонько напевая старинный романс.

В вестибюле повисла гробовая тишина. Проходившие мимо студенты с неприкрытым любопытством поглядывали на великолепного парня в дорогом пальто, который застыл посреди гранитного зала с дешевой копеечной сосательной конфетой в кулаке. Лицо Егора пылало от такого густого, багрового стыда, что казалось, от его щек можно прикуривать сигареты.

Я подняла запястье перед его глазами. Он перевел взгляд с конфеты на циферблат.

— Восемь часов три минуты, Тарасов.

Парень медленно моргнул, словно выходя из глубокого гипнотического транса.

— Что?

— Официальное начало академического часа было назначено ровно на восемь ноль-ноль. Опоздание на три минуты. Согласно пункту четыре подписанного вами регламента, каждая минута задержки карается двадцатью строками иероглифических прописей. Итого шестьдесят строк штрафа в твердом переплете. Аудитория восемьсот двадцать четыре. Шагом марш.

В пустой аудитории восемьсот двадцать четыре стояла торжественная, строгая тишина, нарушаемая лишь глухим стуком дождевых капель в высокие оконные переплеты. Запах свежего мела, старого дерева и нагретого лака смешивался с пряным ароматом моего чая.

Егор опустился на деревянный стул первой парты прямо передо мной. Вид у него был настолько потерянный и сокрушенный, словно его только что пропустили через центрифугу. На полированной дубовой крышке стола сиротливо лежала подаренная вахтершей липкая карамелька Барбарис в помятой красной обертке. Парень тупо уставился на нее, явно не понимая, смеяться ему над абсурдностью происходящего или выть от бессильного бешенства.

Весь его многолетний опыт светского обольщения, все отточенные приемы столичного ловеласа рассыпались в прах о пожилую вахтершу Московского университета.

Я неторопливо расстегнула винтажный кожаный портфель, достала плотную типографскую папку и положила перед парнем толстый лист официального входного тестирования.

— Согласно договору, заключенному между вашим отцом и ректоратом, мы приступаем к базовой квалификационной диагностике, — произнесла я ледяным, деловым тоном, садясь напротив и открывая журнал учета. — Занятия проводятся шесть дней в неделю. Пропуск без государственной медицинской справки с гербовой печатью карается немедленным расторжением соглашения и передачей вашего личного дела на складскую базу в Подольск. Правило первое. Никаких телефонов, шпаргалок и посторонних разговоров.

Я положила ладонь на блестящий никелированный корпус секундомера на груди. Металлический блеск циферблата заставил парня нервно сглотнуть.

— Перед вами входной проверочный тест высшего уровня сложности. Раздел первый — тональная фонетическая система путунхуа. Раздел второй — нормативный терминологический аппарат международных внешнеэкономических соглашений. Раздел третий — логическое дерево иерархических решений для шанхайского торгового филиала. Время выполнения ровно сорок пять минут. Начали.

Раздался отчетливый щелчок кнопки. Механический таймер начал свой неумолимый, ровный бег. Тик-тик-тик. Этот размеренный звук в пустом классе отдавался в висках с отчетливостью падающих молотов.

Егор судорожно сжал в пальцах простую синюю шариковую ручку. Его холеные пальцы моментально напряглись до белизны суставов.

Он вперил взгляд в типографский бланк, и по его лицу пробежала волна неподдельного ужаса. Сложные иероглифические структуры, графические таблицы тонов и китайская транскрипция пиньинь выглядели для него непроходимыми зарослями колючей проволоки. Парень силился уловить хотя бы знакомые очертания среди рядов восточных графем, но в его памяти, привыкшей к музыке ночных клубов и звону хрусталя, царила абсолютная, первозданная пустота.

Во рту у него пересохло. На виске вздулась синяя жилка, а дыхание стало прерывистым и тяжелым. Кончик пластиковой ручки мелко подрагивал над пустой графой первого задания.

— Тридцать минут до завершения работы, гражданин Тарасов, — напомнила я и поставила красную отметку напротив времени начала. Егор прижал край бланка локтем, словно это могло удержать уходящие минуты. Аромат корицы мягко поплыл по классу.

Егор скрипнул зубами с такой силой, что звук эхом отозвался от доски. Он начал лихорадочно черкать по бумаге, наугад вписывая произвольные цифры, путая грамматические категории и наугад расставляя значки тональностей над гласными звуками.

Внезапно в тишине аудитории раздалась резкая, противная, монотонная трель.

В кармане пальто Егора зазвонил дешевый кнопочный аппарат, выданный отцом взамен отобранного смартфона. Примитивный полифонический писк звучал оглушительно громко, словно сирена пожарной тревоги.

Егор в панике дернулся, сунул руку в карман и выхватил неуклюжий пластиковый кирпичик. На крошечном монохромном экране мигало входящее текстовое сообщение.

Экран он наклонил прямо ко мне; сквозь очки я успела разобрать крупные рубленые буквы.

Номер абонента был подписан коротко. Феликс.

Текст сообщения гласил.

Четвертый день пошел, братишка. Время летит. Мой фонд уже резервирует ячейку под твои пятьсот тысяч долларов. Готовься переписывать долю в трасте.

Глава 5

Лицо Егора потемнело от ярости. Он с силой нажал резиновую кнопку сброса, едва не продавив корпус аппарата, и торопливо засунул трубку обратно в глубь кармана.

В этот самый миг я нажала кнопку секундомера.

— Время истекло, Тарасов. Положите ручку на стол.

Я протянула руку и выдернула тестовый лист из-под его одеревеневших пальцев. Мой красный стержень начал стремительный, беспощадный танец по бумаге.

Крест. Жирный перечеркивающий росчерк. Вопросительный знак. Снова крест. Бумажное поле бланка моментально покрылось тревожными алыми отметинами тотального фиаско.

В правом верхнем углу первой страницы я твердой рукой вывела огромную, размашистую цифру ноль и обвела ее двойным кругом.

— Ноль баллов из ста возможных, — огласила я и развернула бланк к нему. Он попытался прикрыть ладонью красный круг. — Полнейший интеллектуальный вакуум. Вы не способны отличить первый высокий ровный тон от четвертого резкого падающего тона. В путунхуа элементарный слог ма, произнесенный первым тоном, означает слово мать. Произнесенный вторым тоном, он означает коноплю. Третьим тоном — лошадь. А четвертым резким тоном этот же слог означает ругать и бранить. С вашим нынешним пониманием фонетики на первых же официальных переговорах в Шанхае вы публично обзовете председателя совета директоров бранным словом и потребуете оседлать его как тягловую кобылу.

Егор сидел неподвижно. Его широкие плечи опустились, кулаки уперлись в край парты.

Я открыла свой портфель и с тяжелым деревянным стуком водрузила на парту перед ним три монументальных академических тома в твердых темно-синих переплетах. Словари, грамматические справочники и академическое руководство по иероглифике. Поверх этой внушительной башни я положила толстую тетрадь в косую линейку на девяносто шесть листов.

— Программа подготовки на текущие сутки. До завтрашнего утра вы обязаны выучить наизусть первые пятьдесят базовых иероглифических ключей. Ключ человека, ключ дерева, ключ воды, ключ огня, ключ солнца, ключ луны, ключ поля, ключ ножа, ключ рта. Прописать каждый ключ ровно по четыре строки в этой тетради от края до края. Без помарок и клякс. Выучить двадцать базовых терминов внешнеторгового права с идеальным тональным рисунком. Плюс шестьдесят строк штрафных прописей за утреннее опоздание. Срок сдачи завтра ровно в девять утра.

Егор вскочил со стула, едва не опрокинув тяжелую парту.

— Это форменное издевательство! — взорвался он, и его голос сорвался на глухой крик. — Здесь работы на двенадцать часов без сна и отдыха! У меня отец заблокировал все карты, отобрал ключи от гаража, оставил тысячу рублей на гречку и засунул в это чертово метро! А ты валишь на меня тонны макулатуры, словно я проклятый каторжник!

Я медленно подняла на него глаза поверх оправы очков. Мой взгляд был тверд, как гранитные ступени университетского входа.

— Если завтра ровно в девять ноль-ноль эта тетрадь не будет лежать передо мной с безупречно выполненными заданиями, официальная докладная записка о срыве учебной программы немедленно отправится на личный стол Павла Игнатьевича. А начальник службы безопасности Борис, насколько мне известно, уже приготовил для вас оранжевый жилет и лопату на товарном складе в Подольске. Выбор за вами, Тарасов. Можете жаловаться брату, можете плакать в жилетку вахтерше. Можете идти.

Парень замер. Его челюсти сжались с глухим скрежетом. Он посмотрел на гору книг, затем на одинокую конфету Барбарис на парте.

Резким, яростным движением он сгреб тяжелые тома в охапку, сунул тетрадь под мышку, развернулся на каблуках и тяжелой поступью зашагал к выходу из аудитории.

Тяжелая дубовая створка с грохотом захлопнулась за его широкой спиной, оставив после себя гулкое эхо в пустом помещении.

Я медленно выдохнула, сняла очки в тонкой серебристой оправе и кончиками пальцев потерла переносицу.

Напряжение первого официального боя отпустило меня лишь сейчас. Внутри этого избалованного, самоуверенного парня бушевала дикая, необузданная энергия, помноженная на колоссальную гордость. Он привык ломать любые преграды звоном золота и обаянием улыбки, но здесь, в старых стенах университета, его привычное оружие оказалось абсолютно бесполезным. Он злился, кипел от бешенства, но тяжелые словари унес с собой. А это означало, что зерно спортивной злости все-таки упало в почву.

Я сделала глубокий глоток остывающего коричневого чая. Вкус напитка вернул мне привычное душевное равновесие.

Дверь приоткрылась, и в аудиторию влетела запыхавшаяся Полина. Ее вязаный берет съехал набок, щеки пылали от быстрого бега, а в глазах плясали озорные искорки безудержного веселья.

— Мила! — выпалила она, едва переведя дух и привалившись к дверному косяку. — Весь филологический факультет гудит как растревоженный пчелиный улей! Слухи докатились до второго этажа ректората! Говорят, младший Тарасов приволок к главному входу охапку роз размером с автомобиль, а ты перед всем честным народом подарила этот веник Марье Степановне!

— Это был официальный знак признательности кафедры заслуженному ветерану труда, — с невозмутимым видом заметила я, аккуратно складывая проверочные бланки в кожаную папку.

Полина звонко расхохоталась, плюхнувшись на соседний стул.

— Да Марья Степановна теперь на него молиться станет до конца своих дней! Она на вахте всем первокурсницам рассказывает, какой к нам на факультет поступил вежливый кавалер с карамельками! Милка, ты просто гений тактической обороны! Но ты хоть понимаешь, насколько он опасен? Ты ведь видела в пятницу вечером его глаза в клубе на Красном Октябре! Этот парень поставил на карту полмиллиона долларов! Он пойдет на любые хитрости ради своего. С тобой ему нужен экзамен, с той неизвестной девицей — выигрыш. Будь начеку!

— Пусть попробует, — холодно отозвалась я, защелкивая замок портфеля. — В фонетической системе восточных языков нет места легким обманным маневрам. Здесь либо работает мозг, либо наступает полный провал. Если гражданин Тарасов рассчитывает подкупить меня вздохами под луной, его ждет грандиозное разочарование.

В этот миг в дверь постучал комендант.

— Воронова, завтра здесь заниматься нельзя. Восьмой этаж закрываем: слесари нашли течь в стояке. Пока без аварии, но рисковать рукописями я не стану. Вам выделили стол в библиотеке, в другом крыле.

Полина подняла брови.

— Кажется, у твоего мажора появилась надежда на выходной.

— Только на смену декораций, — сказала я и записала номер читального зала.

Я собрала портфель. До вечера оставались мои обычные семинары; Тарасову смену адреса можно было сообщить из дома.

К университетской остановке мы вышли под холодный октябрьский дождь. Потoki дождя барабанили по асфальту, в темных лужах дрожали огни проезжающих машин, а холодный ветер пробирал до самых костей.

Домой на Ленинский проспект я добралась на троллейбусе, наблюдая сквозь запотевшее стекло за бесконечными московскими пробками.

В старой профессорской квартире царил благословенный покой. Бабушка Инна Павловна читала книгу в глубоком кресле под уютным светом торшера, в столовой мерно тикали старинные напольные часы с полированным маятником, а на плите тихо посвистывал эмалированный чайник.

Я прошла в свою комнату, включила настольную лампу с зеленым стеклянным плафоном и опустилась за массивный письменный стол.

Прерывать занятия было категорически нельзя. До итоговой защиты оставалось двадцать шесть дней. Если упустить темп в самом начале, вся сложнейшая грамматическая конструкция рухнет, как картонный домик, а вместе с ней развеются надежды на лечение бабушкиного сердца.

Я достала свой телефон, набрала номер контакта, сохраненного в договоре, и составила короткое текстовое сообщение на дешевый кнопочный аппарат моего ученика.

Внимание, Тарасов. Наш этаж закрывают для ремонта отопления. Завтра встречаемся в библиотеке, в зале каталогов и рукописей, в девять ноль-ноль. Если занятия там окажутся невозможны, продолжим у меня дома по согласованию с деканатом. Адрес на этот случай: Ленинский проспект, дом тридцать, квартира сорок два. Звонить строго два раза. За каждую минуту опоздания — двадцать строк прописей. Воронова.

Я нажала кнопку отправки.

На экране вспыхнула надпись об успешной доставке сообщения адресату.

Я подошла к высокому окну и отодвинула тяжелую штору. За стеклом в мокрой темноте шумел широкий Ленинский проспект, переливаясь цепочками автомобильных фар.

Я убрала телефон и посмотрела на дверь бабушкиного кабинета. Пока нас ждала библиотека. Но если ремонт доберется и до нее, самоуверенному наследнику придется познакомиться с Инной Павловной. По сравнению с этим иероглифические прописи могут показаться ему курортом.

Осенний дождь лупил в стрельчатые окна университетской библиотеки, смывая с Воробьевых гор пожелтевшую листву. В огромном зале каталогов и рукописей пахло старым воском, книжной пылью, сырой шерстью промокших пальто и крепким коричневым чаем, который я налила в металлическую крышку термоса. Стрелка настенных дубовых часов уже миновала девять утра.

На моем столе под зеленой лампой с тяжелым бронзовым основанием царил идеальный порядок. Слева лежали словари, справа — бланки, пособия по шанхайскому узлу и механический секундомер на шнурке. В центре ждали три простых деревянных карандаша.

Тяжелая дубовая дверь с глухим стуком распахнулась.

В благоговеющую монастырскую тишину читального зала ворвался сквозняк, принесший запах холодного уличного ветра, бензиновой гари Ленинских гор и чудовищно дорогого сандалового парфюма.

Я не подняла головы от справочника. Высокая тень заслонила изумрудный свет настольного абажура.

— Доброе утро, гроза филологического факультета, — раздался над моим ухом густой, нарочито бархатный баритон.

Егор Тарасов стянул мокрое темно-синее пальто из тончайшей шерсти и с небрежным свистом опустил его прямо на резную спинку соседнего стула. Ворот его тонкого молочного джемпера был расстегнут, мокрые темно-русые пряди волос падали на лоб, а на губах играла та самая ленивая, самоуверенная улыбка, с которой завсегдатаи закрытых клубов обычно смотрят на обслуживающий персонал.

Он выдвинул тяжелый стул с резными подлокотниками, с громким стуком ножек по паркету уселся напротив и вытянул длинные ноги под столом, едва не опрокинув мой портфель.

— Вы опоздали ровно на четыре минуты, Тарасов, — произнесла я ледяным тоном, не меняя позы и глядя на циферблат секундомера. — Это восемьдесят штрафных строк словарных определений к вечеру. Время пошло.

Глава 6

Егор лишь хмыкнул, откинувшись на спинку стула и заложив руки за голову.

— Воронова, на улице конец света. Пробки девять баллов. Мой водитель... впрочем, о чем это я. Водителя же у меня временно отобрали благодаря вашей трогательной дружбе с моим родителем. Я трясся в душном вагоне метро среди людей с мокрыми зонтами. Вы должны оценить этот подвиг гражданского смирения.

Вместо ответа он полез в карман брюк, достал запасной аппарат — видимо, уцелевший после отцовской ревизии — в матовом титановом корпусе с надкушенным яблоком на крышке и с глухим победным щелчком опустил его прямо на середину моей тетради с расчетами логистических затрат.

Экран айфона вспыхнул голубым светом от всплывающих уведомлений.

«Егор, мы на Патриках, бросай свою зубрилку».

«Тарасов, в пятницу закрытая гонка на Рублевке, ты в доле?»

«Милый, почему ты не берешь трубку?»

Я посмотрела на светящийся экран, затем перевела взгляд на наглую физиономию наследника торговой империи.

Моя рука метнулась вперед быстрее, чем он успел моргнуть.

Пальцы сомкнулись на холодном титановом ребре корпуса. Я нажала боковую клавишу блокировки, зажала кнопку полного отключения питания, дождалась, пока экран погаснет черным зеркалом, и решительным жестом смахнула телефон в недра своего кожаного портфеля. Замок щелкнул с металлическим лязгом гильотины.

Улыбка сползла с лица Егора. Он подался вперед, уперев широкие ладони в столешницу. В зеленых глазах сверкнула искренняя, неприкрытая злость.

— Это что за самоуправство, Воронова? Верни телефон. Это частная собственность стоимостью в твою полугодовую стипендию.

— В стенах Научной библиотеки Московского государственного университета частная собственность подчиняется правилу абсолютной тишины, — отчеканила я, глядя ему прямо в расширившиеся зрачки. — Ваш аппарат вибрирует и мешает научной работе третьего сектора. Кроме того, по условиям соглашения с Павлом Игнатьевичем на время занятий любые средства связи переходят ко мне на ответственное хранение. Получите ваш титан на выходе. Если, разумеется, справитесь с практической частью.

Егор шумно втянул воздух сквозь сжатые зубы. Желваки на его скулах натянулись так, что кожа побелела. Он явно не привык, чтобы двадцатитрехлетняя девушка ростом метр шестьдесят пять командовала им с уверенностью начальника гарнизона.

— Ты играешь с огнем, отличница, — процедил он полупшепотом, чтобы не привлекать внимания читателей.

— Я занимаюсь ликвидацией дремучей безграмотности, Тарасов. Пододвиньте стул и возьмите карандаш.

Я пододвинула к нему раскрытую тетрадь в мелкую клетку и объемный задачник по прикладным балансам шанхайского терминала.

— Раздел первый. Определение функции предельных затрат транспортного коридора при переменной плотности грузопотока. Необходимо взять производную сложной функции прибыли, найти точку безубыточности и сопроводить расчет нормативными иероглифическими терминами внешнеторгового реестра. Время на решение — тридцать минут.

Егор посмотрел на страницу, испещренную математическими знаками и незнакомыми восточными ключами, словно перед ним лежал отчет о посадке марсохода.

— Ты издеваешься? — прошипел он, раздувая ноздри. — Я пришел учить иностранный язык для деловых встреч. Мне нужно уметь сказать «добрый день господин Ли», чокнуться бокалом и подписать контракт. Зачем мне считать предельные издержки вручную? У отца в холдинге сидит сорок аналитиков с высшим финансовым образованием, они за это миллионы получают!

— Ваш отец открывает самостоятельное подразделение, где руководитель обязан понимать происхождение каждой цифры в таможенной декларации, — безжалостно парировала я, доставая из пенала ластик. — Если партнер в Шанхае увидит, что генеральный директор путает переменную составляющую издержек с постоянной, контракт подпишут с вашими конкурентами. А вас отправят старшим контролером на распределительный склад в Подольск. Выбирайте.

Егор скрипнул зубами с такой силой, что мне послышался хруст эмали.

Он схватил со стола первый попавшийся деревянный карандаш. Схватил так, словно держал рукоять тяжелого охотничьего ножа перед рукопашной схваткой. Пальцы побелели от чудовищного напряжения. Широкие плечи окаменели.

Он склонился над тетрадью, яростно уставившись на первую формулу.

— Пишите, Тарасов. Производная натурального логарифма от объема поставок, — сухо подсказала я.

Егор с силой прижал графитовое острие к гладкой бумаге. Он попытался вывести первую дугу формулы, навалившись на карандаш всем весом своего тренированного плеча.

Раздался резкий, сухой, предательский треск.

Острый кончик грифеля разлетелся в пыль, пропоров плотный тетрадный лист насквозь.

Старичок за соседним столом укоризненно поднял голову от книги. Егор выругался сквозь зубы и схватил второй карандаш.

— Не торопитесь, — шепнула я с легкой усмешкой. — Бумага не виновата в том, что вы забыли правила дифференцирования за десятый класс.

— Замолчи, Воронова, — прорычал он в ответ, покрываясь темным румянцем злости.

Он снова ткнул грифелем во вторую строчку, пытаясь изобразить знак дифференциала. Напряжение в его широкой ладони зашкаливало. Он снова нажал на карандаш всем весом.

Хрусь!

Второй карандаш переломился ровно пополам. Обломок с глухим стуком отскочил от зеленой лампы и упал на суконную скатерть.

Дежурная смотрительница строго постучала ножом для бумаги по конторке.

Егор замер с обрубком в кулаке. Его грудь тяжело вздымалась под тонким джемпером. В глазах плескалось такое отчаяние вперемешку с бешенством, что другой на моем месте испугался бы за свою жизнь. Но я знала породу избалованных мальчиков. Их бессилие перед простыми законами труда — лучшее лекарство от спеси.

Я молча открыла свой пенал.

Достала крошечную, тяжелую серебристую точилку из литой стали. Взяла оба сломанных карандаша из-под его одеревеневшей руки.

Медленно, с подчеркнутой размеренностью я вставила деревянный стержень в круглое отверстие. В тишине зала раздался тонкий шелест лезвия. Стружка легла на салфетку, я повернула стержень и выложила перед ним идеально заточенный грифель, затем заточила второй.

— Держите, Тарасов, — произнесла я самым мягким голосом, на который была способна. — Запомните простое правило. Знания требуют гибкости, а не слепого давления. Если вы будете сжимать инструмент как монтировку, вы сломаете все карандаши в Москве, но формулу не выведете. Ослабьте пальцы. Дышите ровнее.

Он посмотрел на меня исподлобья. Его взгляд скользнул по моим рукам, затем задержался на оправе очков. Что-то в его позе дрогнуло. Напряжение в плечах чуть спало, сменившись угрюмой сосредоточенностью уязвленного спортсмена.

Он взял карандаш снова. На этот раз хватка была осторожнее.

Медленно, криво, запинаясь на каждом коэффициенте, он принялся выводить первую строчку вычислений. Я следила за движением его руки, периодически указывая кончиком ручки на знаки минуса перед дробью.

— Здесь потеряли аргумент. Пересчитайте знаменатель.

— Вижу я, — буркнул он, вытирая ладонью лоб. — Не слепой.

— А теперь переходим к фонетической привязке. Термин «предельные издержки». Четыре слога. Произнесите вслух.

Егор поднял на меня мученический взгляд.

— Прямо здесь? Тут бабки шикают от каждого вздоха.

— Шепотом, Тарасов. Но с правильной высотой тона. Первый слог идет ровно и высоко, второй падает вниз. Слушайте меня.

Я четко артикулировала звуки, показывая рукой плавное движение мелодии.

Егор набрал воздуха в широкую грудь, надул щеки и выдал глухой, хриплый звук, похожий на рев заглухшего тракторного мотора на морозе.

— Нет, — покачала я головой. — Первый тон — чистый, как натянутая струна. Вы звучите так, будто требуете счет в пивной. Тяните гласную на одной высоте.

Он попробовал снова. Получилось фальшиво, с вихляющей интонацией капризного подростка.

— А четвертый тон? — не унималась я. — Нисходящий. Он должен падать сверху вниз без малейших колебаний. Резко, категорично, как удар топора по бревну. Без вопросительных интонаций. Попробуйте.

Егор напряг связки, его лицо налилось кровью.

— Ма! — выпалил он слишком громко.

Звук получился визгливым и испуганным, словно его только что ущипнули за бок.

Старичок за соседним столом с треском захлопнул фолиант и яростно уставился на нас поверх роговой оправы. Дежурная на вахте поднялась во весь свой внушительный рост, приготовившись изгнать нас из храма мысли.

Я прикусила губу, сдерживая смех. Видеть, как столичный плейбой краснеет перед академками от неспособности произнести гласный звук, доставляло мне редкое удовольствие.

— Четвертый тон вам пока не дался, Тарасов, — резюмировала я шепотом, отмечая ошибку в бланке. — Это было похоже на крик испуганной чайки, а не на речь делового партнера.

Егор сжал зубы и хотел что-то огрызнуться, но в этот момент само мироздание решило вмешаться в наш учебный процесс.

Где-то в дальнем углу читального зала, за монументальными дубовыми стеллажами дореволюционного фонда, раздался глухой, зловеющий металлический скрежет. Словно под паркетом заворочался гигантский железный червь.

Труба отопления под окном мелко задрожала.

Через секунду раздался оглушительный гидравлический удар. Бам! Чугунная секция радиатора подпрыгнула на креплениях. Раздалось яростное шипение, переходящее в поросичий визг, и из лопнувшего стыка под стрельчатым окном с ревом вырвался столб белого кипятка и клубы обжигающего пара.

Воздух наполнился запахом ржавчины и извести. Струя кипятка ударила в стену и мутным потоком хлынула на паркет.

— Катастрофа! — истошно завопила дежурная смотрительница, роняя очки на конторку. — Рукописи! Спасайте описи фонда! Всем немедленно покинуть помещение! В северном крыле прорвало магистраль!

Зал пришел в движение. Студенты и профессора подхватывали папки, стулья с грохотом валились набок.

— Ну вот, — с нескрываемым облегчением выдохнул Егор, вскакивая на ноги и подхватывая свое дорожное пальто. — Сама судьба против дифференциалов, Воронова. Академический бог услышал мои молитвы. Урок окончен по форс-мажорным обстоятельствам. Телефон вернешь на улице.

Он уже сделал шаг к выходу, надеясь раствориться в суматохе эвакуации, но я не для того провела четыре года на кафедре сравнительного языкознания, чтобы сдаваться перед прорванной трубой.

Моя рука мертвой хваткой вцепилась в рукав его тонкого шерстяного пальто.

— Стоять, Тарасов.

Егор оглянулся через плечо с искренним недоумением.

Отпустив его рукав, я сложила в портфель тетрадь, бланки, деревянные карандаши, точилку и термос. Защелкнула замок, перекинула ремень через плечо и поправила съехавшие на кончик носа очки.

— У нас всего второй день занятий. Ваш отец не принимает оправданий про аварии теплотрассы. Если вы думаете, что пара литров кипятка спасет вас от зачета, вы глубоко заблуждаетесь.

— И что ты предлагаешь? — протянул он, оглядывая клубы пара, заволакивающие сводчатые потолки. — Сесть на бордюре под дождем?

— Мы едем ко мне, — отчеканила я, подталкивая его к выходу сквозь толпу бегущих студентов. — На Ленинский проспект. Там тихо, тепло и нет аварийных труб. И телефон останется у меня, пока вы не научитесь брать вторую производную без соплей. Шагайте быстрее, Тарасов. Общественный транспорт не ждет.

Глава 7

Сталинский дом на Ленинском проспекте встречал нас серым фасадом с арками и гранитным цоколем. Во дворе стояла гулкая тишина.

Егор шагал рядом, засунув руки в карманы пальто. Под сводами парадного вестибюля пахло сырой штукатуркой, старым паркетом и жареным кофе.

— Надо же, профессорское гнездо, — протянул он. — Думал, вы живете в какой-нибудь панельной хрущевке на окраине, Воронова. А тут прямо дворянское собрание с высокими потолками.

— В этом доме жили три поколения академиков филологии, Тарасов, — сухо отозвалась я, нажимая кнопку вызова лифта. — И здесь никогда не терпели бездельников.

Старинный лифт в шахте с чугунным узором впустил нас со скрипом сундука. Егор упирался макушкой в решетку вентиляции и попытался встать вплотную, но я выставила вперед увесистый портфель, перекрывая маневр.

Пятый этаж встретил нас тяжелой дубовой дверью с медным номером сорок два и круглым начищенным колокольчиком звонка. Я повернула массивный ключ в верхнем замке, затем в нижнем. Дверь мягко подалась внутрь.

Прихожая напоминала музей редкой книги. Вдоль стен тянулись застекленные шкафы красного дерева со словарями и монографиями. В воздухе стоял аромат лаванды, старой бумаги и воцеленного дуба.

Егор перешагнул порог, расправил плечи и довольно улыбнулся. Видимо, домашняя обстановка показалась ему идеальной площадкой для возобновления светской осады. Он уже открыл рот, чтобы отпустить очередную самодовольную шутку о моем скромном жилище, но тут высокая белая дверь кабинета в глубине коридора тихо скрипнула.

В прихожую неспешной, величественной поступью вышла моя бабушка.

Инна Павловна Воронова, почетный профессор Московского университета и гроза трех поколений аспирантов, выглядела как сошедшая с портрета особа царствующего дома. Ее густые серебристо-стальные волосы были уложены в безупречный высокий узел, на плечи была наброшена тончайшая оренбургская пуховая шаль паутинного плетения, а на строгом породистом носу сидели круглые очки в тонкой золотой оправе на изящной цепочке.

Ее холодный, пронизательный взгляд серых глаз скользнул по двухметровой фигуре гостя с внимательностью патологоанатома, изучающего занятный образец.

Егор моментально перестроился. Он включил на полную мощность свое фирменное обаяние с Патриарших прудов. На его лице расцвела самая чарующая, светская улыбка, он шагнул вперед, склонил голову в изысканном полупоклоне и протянул руку, намереваясь коснуться губами сухих пальцев пожилой дамы.

— Добрый день, сударыня. Имею честь представиться — Егор Тарасов. Позвольте выразить искреннее восхищение этой благородной обителью муз. Как писал Николай Гумилев, осенний вечер полон тайных чар, когда в гостиной оживает вечность.

Инна Павловна не отдернула руку. Она просто замерла, глядя на его протянутую ладонь так, словно ей предложили потрогать дохлую жабу. Затем медленно перевела взгляд на его шелковый шарф с кривым дизайнерским узлом.

В тишине прихожей раздался ее негромкий, грудной голос, обладавший той совершенной петербургской дикцией, от которой у нерадивых студентов филфака подкашивались колени.

— Во-первых, молодой человек, эта бездарная рифмованная пошлость принадлежит ресторанному куплетисту средней руки, сочиняющему безвкусные куплеты для привокзальных заведений, и Николай Степанович Гумилев не имеет к этой бездарности ни малейшего отношения. Если захотите процитировать поэта снова, сперва откройте его книгу. У нас найдется собрание сочинений.

Егор замер с протянутой рукой. Его светская улыбка остекленела.

— Во-вторых, — продолжала бабушка с ледяным спокойствием, поправляя цепочку очков, — в этом доме не принято целовать руки до официального представления хозяйкой. А в-третьих, соизвольте обратить внимание на обстановку.

Царственным жестом унизанной фамильными кольцами руки она указала на плинтус у входной двери.

Там ровным строем стояли три пары серых войлочных шлепанцев с широкими круглыми носами.

— Снимите вашу уличную обувь, молодой человек. Дореволюционный наборный паркет из мореного дуба не предназначен для демонстрации итальянских подошв. Наденьте шлепанцы. Затем пройдите в умывальник в самом конце коридора, тщательно вымойте руки дегтярным мылом и только после этого явитесь пред наши очи. Людмила, проводи гостя на кухню. Большой стол в гостиной пока занят моими выписками.

Бабушка развернулась с плавным шелестом шерстяного подола и скрылась в кабинете, плотно прикрыв за собой белую филленчатую створку.

Я с огромным трудом сдержала торжествующий возглас. Видеть, как столичный плеейбой, привыкший открывать ногой двери правительственных вип-лож, стоит посреди нашей прихожей с растерянно повисшей рукой, было истинным праздником души.

Егор опустил руку и посмотрел на меня с растерянностью.

— Она всегда такая?

— Это она с вами предельно мягко обошлась, Тарасов, — шепнула я со злорадством. — Снимайте ботинки. И мыло не забудьте, деготь смывает любые следы праздности.

Егор вздохнул, покорно расшнуровал свои кожаные ботинки, аккуратно поставил их на резиновый коврик у порога и сунул ступни в огромные войлочные тапки. В этих шлепанцах его двухметровый спортивный силуэт приобрел неожиданно трогательный, домашний и совершенно незащитный вид. Шлепая войлоком по половицам, он послушно побрел в ванную комнату.

Через пять минут мы сидели на нашей кухне.

Кухня отличалась феноменальной компактностью — ровно шесть квадратных метров. С одной стороны высился холодильник, с другой — подоконник с геранью и горячая батарея. На плите напевал чайник с мятой.

Егор сидел на круглом деревянном табурете перед маленьким столом, покрытым синей клеенкой в мелкую клетку.

Его мощные колени намертво упирались в нижнюю планку стола. Длинные ноги просто некуда было деть. Попытка отодвинуться назад привела к тому, что его широкое плечо с глухим стуком врезалось в эмалированный бок холодильника. Сдвиг вправо грозил опрокидыванием банки с лавровым листом.

— Это пыточная камера, Воронова, — простонал он, упираясь локтями в клеенку и потирая ушибленное плечо. — Здесь невозможно дышать, не говоря уже о том, чтобы заниматься высшей математикой. У меня в гардеробной места втрое больше!

— Привыкайте к рабочей обстановке, Тарасов, — невозмутимо отозвалась я, присаживаясь напротив на узкий табурет и раскладывая тетрадь. — Большие кабинеты расслабляют мысль. В тесноте мозговые извилины собираются быстрее. Открывайте задачник.

Я положила перед ним страницу с расчетом производных для шанхайского терминала.

— Задача прежняя. Полная функция совокупных затрат логистического терминала задана кубическим уравнением от объема перевалки контейнеров. Вам требуется найти первую производную, приравнять ее к нулю, найти критические точки, а затем через вторую производную строго доказать, что найденная точка является именно точкой минимума издержек, а не локального максимума. Все математические выкладки сопровождаются терминами шанхайской номенклатуры. Время пошло. Двадцать пять минут.

Егор шумно выдохнул, закатав рукава джемпера. Его мускулистые предплечья с темными жилками легли на синюю клеенку. Он взял простой карандаш, уставился в цифры и принялся ожесточенно чесать кончиком грифеля затылок.

Первые десять минут на кухне стояла относительная тишина, нарушаемая лишь тиканьем ходиков на стене да шипением чайника. Егор пыхтел, сопел, что-то черкал в углу листа, стирал пальцем, снова черкал.

Я пила чай из кружки с синим узором и ждала следующей строки. Егор несколько раз поднимал голову, надеясь на подсказку; я возвращала его к условию задачи.

Вдруг я заметила странное движение. Егор придвинулся к столу еще плотнее, накрыл левую половину тетради своим широким локтем и принялся с подозрительной быстротой выводить итоговые цифры в нижней строке, совершенно пропуская промежуточные вычисления.

Я приподнялась на табурете и заглянула через его плечо.

Так и есть. Он просто взял примерные круглые числа из головы, подогнал ответ под красивое круглое значение и собирался выдать эту халтуру за триумф аналитической мысли.

— Что это такое, Тарасов? — спросила я обманчиво тихим голосом.

Егор вздрогнул, но попытался сохранить невозмутимый вид, прикрывая ладонью.

— Это расчет, отличница. Минимум издержек при объеме в двенадцать тысяч тонн. Отличный результат, ставь пятерку.

— А где вывод второй производной? Где проверка знака при переходе через экстремум? Где доказательство выпуклости функции вниз?

— Воронова, брось ты эту университетскую заумь, — поморщился он, махнув рукой. — В реальном бизнесе никто не занимается доказательством выпуклости. Если цифра бьется с бюджетом, ее подписывают и отправляют в работу.

— В реальном бизнесе за такие расчеты вылетают с должности с волчьим билетом, — отрезала я.

Я протянула руку к узкой навесной полке над столом, где среди кулинарных книг стоял глиняный стакан с канцелярскими принадлежностями. Мои пальцы сомкнулись на гладком деревянном бруске.

Это была старая метровая линейка из плотного бука с выжженным фабричным клеймом механико-математического факультета Московского университета. Этой линейкой мой покойный дед, заведующий кафедрой, когда-то чертил графики на аудиторных досках. Дерево было тяжелым, гладким и звонким.

Я не стала читать нотаций.

Я подняла линейку всего на ладонь. Егор продолжал заслонять выдуманный ответ. Плоская грань буковой линейки с сухим, хлестким хлопком опустилась точно по загорелым костяшкам пальцев правой руки Егора.

Хлоп!

Звук получился звонким, как пистолетный выстрел в закрытом тире.

Егор взвыл от неожиданности, отдернув руку к груди.

Костяшки его пальцев мгновенно вспыхнули ярким пунцовым следом. В зеленых глазах взметнулась такая бешеная, первобытная волна ярости, что воздух на кухне словно наэлектризовался.

Он с грохотом оттолкнул табурет и вскочил на ноги.

Его голова с глухим деревянным стуком врезалась в нижний край навесного шкафчика с посудой. В шкафу жалобно звякнули граненые стаканы. Егор даже не обратил внимания на ушиб темени. Он навис надо мной всей своей двухметровой мощью, сжав кулаки, тяжело дыша через раздувающиеся ноздри. Мышцы его шеи натянулись канатами.

— Ты совсем страх потеряла, дрянь? — прорычал он низким, хриплым шепотом, от которого задрожали оконные стекла. — Ты хоть понимаешь, кто я такой? Ни одна живая душа на этом свете не смеет бить меня по рукам! Я сейчас разнесу эту конуру в щепки!

Глава 8

Я положила линейку поперек раскрытой тетради. Он замолчал, следя за моими руками. Его тень закрыла весь стол, а между нами белел нелепый ответ: двенадцать тысяч тонн.

— Сядьте на место, Тарасов, — сказала я, указав на отодвинутый табурет. — Опуститесь на табурет и положите руки на стол.

Он продолжал тяжело дышать, сверля меня бешеным взглядом, готовый сорваться в крик.

— Повторяю для особо одаренных наследников, — продолжала я с ледяной невозмутимостью. — Либо вы садитесь, берете карандаш ноющими пальцами и аккуратно, строчка за строчкой, расписываете вторую производную с полной формулой погрешности, либо я беру городской телефон в прихожей и прямо сейчас набираю личный номер Павла Игнатьевича. Я сообщу ему, что его младший сын органически не способен к аналитическому труду, склонен к мелкому жульничеству и пасует перед первой же математической трудностью. А Борис, начальник вашей транспортной службы, насколько я знаю, уже подписал распоряжение о выдаче вам брезентовых рукавиц для разгрузки железнодорожных вагонов в Подольске.

Мы смотрели друг другу в глаза несколько долгих секунд.

На кухне тикали ходики и закипал чайник. В глазах Егора ярость сталкивалась с холодным расчетом, а оскорбленное самолюбие разбивалось об осознание собственной беспомощности.

Он медленно, судорожно втянул воздух через нос.

Его плечи тяжело опустились. Желваки на скулах дрогнули. Он отвел взгляд в сторону окна, где осенний дождь стекал по стеклу мутными струями.

Скрипнул деревянный табурет.

Егор тяжело, сокрушенно опустился обратно на сиденье. Его длинные ноги снова уперлись в перекладину стола. Он посмотрел на свои покрасневшие костяшки пальцев, на которых четко отпечатался багровый след от метровки, затем перевел взгляд на тетрадь.

Он протянул руку, взял деревянный карандаш и склонился над расчетами.

Сначала он вернулся к первой строке. Вычеркнул свои двенадцать тысяч и оставил место под вычисления.

Строчка за строчкой. Он дифференцировал первое слагаемое. Затем второе. Выносил за скобки общий множитель. Находил корни квадратного трехчлена. Ошибался в знаке, сам замечал нестыковку, стирал ластиком до белых катышков и пересчитывал заново. Его лоб блестел от испарины, пальцы подрагивали от непривычного физического напряжения, но он упрямо, шаг за шагом вел математическое доказательство вперед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.